

Рефлексии мимоходом

Моему коллеге

Автошарж

Говоря об этом авторе, хочется забыть все законы архитектуры, как, впрочем, и жаргоны в том числе, войти в статус его творческого таинства и изложить его творческие порывы, которые для меня лично обворожительно гипнотичны. Очень легко, знаете ли, писать и просто размышлять о том, что тебя вдохновляет. Воочию убеждаешься в том, что и писание, и размышление в данном случае есть твой собственный творческий процесс, который и читателю, надеюсь, тоже будет по душе. Речь пойдет о моем коллеге-архитекторе, имя которого Владимир Борисович Стегайло.

У каждого из нас происходит природой отпущенное ликование, радость и любовь к истине новорожденного, т.е. это маленькое, родное существо что-то лепечет, глядя на вас, вы при этом радуетесь и умиляетесь до невозможности, и где-то, на каком-то моменте, происходит такой качественный скачок вашего отношения к младенцу. Вы начинаете остро ощущать становление его индивидуальности, причем она, как правило, проявляет себя спонтанно, но всегда в тех ситуациях, когда ребенок, опасаясь что-то упустить, несколько торопливо и лихорадочно пытается обрисовать происходящее, проявляя в себе тем самым остроту решительности крепнущей рефлексии, а нас эта решительность пронизывает азартом шокирующих всплесков абсурда на фоне уныло обыденных ценностей. Нам не нужны абсолютные

истины, творческий авантюризм бытия несет в себе колориты абсурда, а это потенциалы вдохновения. При всем при этом младенческая решительность придает нам уверенность и в том, что мир оказывается познаваем не только энциклопедически отточенными ценностями, но и азартом наивной отваги обрисовать происходящее в нашем окружении. И наивность та очевидна, да и стыдливый румянец у нас на щеках тоже, а что мешает вот так непосредственно отображать происходящее, пусть даже с ошибкой, но с такой вот лучезарной привлекательностью.

Этот зодчий на протяжении всего своего двадцатипятилетнего творческого возраста торопливо и лихорадочно проектирует и довольно успешно строит свои неоспоримо профессиональные ценности. При всем при этом младенчество и взросление мастера интерференцируют друг друга, находясь, по сути дела, не в линейном времени, а во времени, как в кольце мебиуса, и глядя на его постройки, невозможно судить ни о возрасте, ни об эволюции творческого почерка автора. У меня появляется совершенно обворожительный творческий вирус: я хочу так же, как он, непредсказуемо взрослеть и молодеть вплоть до пеленочного возраста в своем творчестве. И хочется это сделать не в подражание своему коллеге, а для того, чтобы получить ощущение справедливости происходящего. Меня даже не останавливают некоторые сюрреалистически шокирующие стилевые сочетания его объектов, которые гипертрофированно пародируют друг друга, и автор достигает такого состояния художественного образа, когда уже становится непонятно, какое выражение лица истинно, а какое – пародия. Совершенно скучно искать какие-то аналоги в истории архитектуры или ассоциативно-ностальгические симпатии, но то, что подобное произведение может сделать сценографическую честь для какого-нибудь мистического фильма, способного обозначить общечеловеческие ценности, а не

амбициозно захватническую экспансию, это очевидно.

Истинная скромность лишена инициативы обратить на себя внимание, поэтому она не украшение. Я не в состоянии себе представить, что на шее у представительницы прекрасной половины человечества может скромно сверкать виртуозно ювелирная безынициативность от Фаберже, поэтому автор предпринимает отчаянно смелую творческую стратегию – изысканно виртуозную творческую дерзость, доходящую до вседозволенности, и она ему, на протяжении всего его творческого пути, мастерски удается с переменным успехом. Нам же, зрителям и читателям его таланта, предоставлена вполне творческая задача увидеть эту его младенческую искренность и взрослеющую решительность зодчего, которая вполне ощутима практически во всех его постройках. Если клетки вашего тела, почуяв вкус к сегодняшней демократии, пришли к осознанию полной свободы деятельности, вдруг каждая сама по себе объявила и занялась своей собственной предпринимательской деятельностью, то в целом ваше тело становится заложником последующего результата, и в лучшем случае, как минимум, токсикоз от такой деятельности гарантирован, в худшем – постылый рудиментарный рэкет назойливо атавистичных приоритетов. Автор непросто отважился на такой далеко не безопасный творческий путь, он его уже прожил в размере двадцати пяти лет творческой деятельности.

Ярким по темпераменту и оригинальности стала его первая самостоятельная постройка – жилой дом по ул. Дек.Событий, где впервые получили свою реализацию именно те вышеобозначенные качества, которые по последующему творческому потенциалу стали для него фундаментальными. Наверное, этот успех надо считать вообще творческой точкой отсчета, давшей последовательность формирования образной палитры и лицо новоявленной торопливо-лихорадочной искренности.

По своей структурной конфигу-

рации здание активно формирует драматургию той самой взрослеющей рефлексивной решительности выявления объемно-пространственных акцентов жилого уюта и очень элегантно выявляет ракурсы интерьера улицы, органично переходящие в интерьер некоторых квартир первого этажа. В этом автор отдает дань уважения и продолжает традиции магистральных творческих приоритетов омолодившейся архитектурной школы Иркутскгражданпроекта.

Эта группа домов, выходящая фасадом на ул. Депутатская, стала скульптурным откровением, которое в своих творческих поисках мы, как правило, проверяли всегда на картонных макетах, и по мере их компромиссных упрощений превращалось в унылое рудиментарное присутствие несостоявшейся архитектурно-художественной актуальности. Это сооружение для всех нас стало таким эталонно мечтательным примером того, к чему мы, его коллеги, мучительно стремились, т.е. скульптурно-структурная выразительность объекта, нанизанная на вполне артикулированную пешеходную ось, имеющую свой акцент и глубинную привлекательность.

Далее следует несомненная творческая удача – это реконструкция и расширение областной детской больницы, где автор пытается с достаточной степенью деликатности выявить и воплотить потенциалы памятника архитектуры в современном звучании во вновь возводимых лечебных блоках, смело вводя скульптурно-доминантные объемы остекленных торцевых лестничных клеток. И в довершение ко всему постройка поздних лет – деревянная церковь на территории этой же больницы – внесла в ансамбль больницы – внесла в ансамбль больницы комплекс диссонирующий акцент, но безусловно актуальный для этого ансамбля.

Однако более пристального внимания заслуживает группа жилых домов в первом поселке ГЭС. Этот проект был осуществлен в творческом содружестве двух архитекторов – В.Б.Стегайло и О.Б.Бадула. Это плодотворное

содружество уже имеет вполне немладенческий возраст – 17 лет – и позволяет говорить о себе как об архитектурном этносе. По результату строительства, да и по проектным материалам можно смело причислить этот объект к стилю ретро, но это такое ретро, которое может опьянеть от самое себя, т.е. вся свежесть и сочность потенциалов ретро выявлены в этом объекте до такого звучания, что робко притулившись, унифицировано современная тематика боковой башни с вертикальными ритмами остекления выглядит вяло и неприглядно на фоне всей амбициозной вакханалии членений, ритмов и фронтонных включений. Но это читается на развертках фасадов, на натуральных же фотоснимках воспринимается явно шокирующая помпезность натуралистически вылепленных стилизованных канонов, обозначенных в псевдоконфрорсах, в карнизных фрагментациях, а окончательный сюрреалистический апофеоз образа достигается вертикальными углублениями на углах лестничной башни, уводящей взгляд к симпатиям псевдоготтики. Вся совокупность стилизованных мотивов, подробность их проработки создают эффект «третьего глаза» в облике здания, который тиражируется в некоторых книгах, ему посвященных, когда соответствующая фокусировка зрения формирует стереоэффект изображения. Ко всем прочим достоинствам следует также причислить наличие внутренних двориков в уровне первого этажа с вертикальными шлейфами балконного остекления, переходящего в наклонное остекление. Встреча вот таких современных приемов с ретро напоминают абсурд из старого анекдота: «Идут двое, один из них гений, а другой из департамента».

В беседе за круглым столом автор недавно заявил о том, что он пытается всячески подавить в себе профессиональный эгоизм и индивидуализм, сетуя на то, что архитектор никогда в душе не согласится с целесообразностью проведения архитектурного конкурса, дабы не лишиться заказа в пользу проекта-победителя. Но появившиеся Исаакиевского собора в Санкт-Петербурге оказалось возможным в результате более семи десяти конкурсов. Это значит, что

общество того времени возможностью выбора наиболее любимого проекта вот таким вот образом принимало косвенное участие в проектировании этого объекта, а все предыдущие претендентные проекты являлись этаким эволюционно накопленным базой исходных данных для последующих проектных разработок. Разумеется, ни мне, ни моим коллегам не составит чести оказаться такой подосновой для последующих творческих поисков, тем более, что и автором проекта-победителя может оказаться другой архитектор. Однако многолетний опыт профессиональной деятельности В.Глазычева в его творческих экспедициях по российским глубинкам показал, что социально-созидательные импульсы и всплески, оказываются, не востребованы только потому, что мы, зодчие, свою профессиональную деятельность воспринимаем как неотъемлемую интеллектуальную собственность, ревниво и зорко охраняемую прежде всего нами самими, а уж потом только заинтересованно озадачившимся заказчиком-застройщиком. В результате деятельности В.Глазычева в российской глубинке мгновенно происходил пассионарный взрыв деятельных инициатив, и опыт показал: последующие административные шаги на уровне районных властей всегда – отменить, изъять, наказать, расформировать, что говорит об инстинкте самосохранения, а значит, и несостоятельности властных структур. Многие из людей, пройдя искушение «кайфом» от проектного режима, по-настоящему-обыденному функционированию, что в принципе не безопасная для биографии людей вещь.

Привожу цитату самого В.Глазычева: «Я хотел проверить, можно ли, включившись в процесс, путем компактного, короткого, энергетически насыщенного взаимодействия выработать схему познания ситуации, как она есть, и технологию конструктивного действия обязательно с людьми, а не для людей. И мне это удалось». На моей памяти подобный «кайф» энергетически насыщенного взаимодействия мы испытали, работая в авторском коллективе заказного конкурса на проект «Городской

центр г. Ангарска». Так в чем же дело? Не пора ли проявить этакое инициативное великодушие и проектировать не у себя взаперти, вожделенно извиваясь на медленном огне назойливо атавистичных приоритетов, а наперегонки с самим заказчиком или лучше с тремя? Поскольку на некоторое время в сообществе появляется «думающая машина», составленная из людей, которые, строго говоря, никогда не встречались вместе, не контактировали в достаточно свободной обстановке без чиновничества и узкой профессиональной ориентации. Это всего лишь лотерея, в которой мгновенные результаты невозможны, но, несомненно, потенциальна для последующего формирования творческой стратегии, ведь такое творческое содружество выявит ряд последующих исходных данных, уже несущих в себе актуальность конкурсного проектирования, точнее, компенсацию его отсутствия. Сама социально-созидательная деятельность, заложенная в проектах, требует заострить свой взгляд на актуальности партисипационного проектирования, т.е. соучастия будущего потребителя архитектуры в процессе проектирования. При этом, глядя на сегодняшние реализации, вполне достаточно собственного профессионального опыта каждого из нас, чтобы избежать тактики и стратегии стиля «АД-ХОК», – прямого или косвенного безоговорочно-приспособленного выполнения требований заказа.

Гоблинская архитектура

Из литературных источников нам известно, что ГОБЛИН – это мифическое существо с нарочито неприглядной внешностью и с не менее неприглядным характером. Его сегодняшняя актуальность подтверждается безграничными выходками в интернете. В сайтах появляется бессвязный мат, блатной жаргон, порновидеошлейфы; пользуясь анонимностью, они пакостят и мусорят везде. И вот так, навешивая ярлыки, мы с добропорядочной опаской на лице реабилитируем самих себя за свой та-

ким вот образом анонимизированный компьютерный экстаз вседозволенности. В детском возрасте мы все озорничали и хулиганили до первого родительского окрика, подзатыльника и ремня в вирусопотенциальных ситуациях. Мы выросли, но озорство и хулиганство никуда не уходило. Оно взросло вместе с нами, и на мой взгляд, эти качества, далеко не безобидные, еще никому никогда не приходило в голову в себе изжить. Наоборот, мы всегда оставляли себе задел на будущее, этакое «загадочное интимное», типа: «Ну ладно! Я вот подрасту, а там уж и нахулиганюсь «в законе», чтобы не было мучительно больно за аморфно-праведно прожитые годы».

Интернетовские призывы «сразу бросить в толпу гоблинов термоядерную бомбу», апеллируя к тому, что самый быстрый способ – самый гуманный, говорят о том, что ощутимо обозначилась энтропия конфликта приоритетов пользования возраста персональным компьютером. Те, кто раньше успел «интернет-нахулиганиться» и вполне эволюционно повзрослеть, испытывают сегодня удушливую «интернет-замусоренность» подрастающего «интернет-поколения», возраст которого в сайтах очевиден. Данный конфликт, на мой взгляд, не требует никаких скоростных хирургических вмешательств, так как экстренные меры всегда приводили к полной или частичной утрате валидности. «Интернет-пространство» следует своевременно очищать от «интернет-фекалий», снабдив их «интернет-чистыми сооружениями» или чем-то в этом роде. Я сегодня не в состоянии обозначить для себя всю пагубность и масштабы «интернетнаркомании», которая на сегодняшний день уже вполне реальна и вирусопотенциальна в глобальных ареалах. С другой стороны, добропорядочная маска беспокойства на лице, конечно же, смягчает мое вчерашнее озорство (к интернету я пока не имею никакого отношения), но и не гарантирует анонимности.

Сегодня, по праву, ряд архитектурных объектов уже есть все основания причислить к разряду «гоблинской архитектуры» т.е. те сооружения, которые в своем об-

лике несут бессвязность стиля и шокирующие сочетания натуралистично вылепленных канонов архитектурных стилей, которые просто язык не поворачивается назвать «архитектурным матом» или чем-нибудь еще в этом роде. Причем, широкомасштабная экспансия этой «новизны» очевидна. Досадно, разумеется, то, что подобное качество в архитектуре оказалось настолько живуче, и оно распыляет, минимизируя социально-созидательные инициативы деловых и предпринимательских кругов на такие результаты. Все вышеобозначенные реалии появляются в результате стилевых смешений или КЛИПОВ, как их теперь принято называть, но этот кинематографический вид творчества, как правило, предполагает высокое профессиональное мастерство. Рекламные видеоклипы, где нам предлагают какую-то товарную единицу, которая якобы вполне поможет нам реализовать наши интимные потенциалы и преодолеть не менее интимные недуги, несут в себе культивацию эксцентричности шоковых, ошарашивающих инсайтов.

Такая специфика и инструментальности воздействия не новы. Они обозначились в 1916 году в Швейцарии в г. Цюрихе под названием «дадаизм». Это были вызывающе хулиганствующие выходки молодых людей, недавно вернувшихся с полей Первой мировой войны, познавших всю бессмысленность мировой бойни, а выглядели эти выходки в виде театральных представлений, очень низкопробных, абсурдных и откровенно-вызывающе оскорблявших зрителей. Просуществовало оно недолго, но стало благодатной деятельностью почвой для появления и кодексного провозглашения следующего течения в искусстве под названием «сюрреализм», давшего миру своих гениальных представителей. В советские времена сюрреализм был ругательным понятием. Сегодня его смысловые ценности не стали роднее и ближе, но странно то, что скрытое ранее к нему отношение вот так вот реализовало себя в наше время. Налицо тайный эмоциональный интерес и его последующая реализация, и мне сегодня уже нет никакой необходимости вчитываться в изнурительные

разъяснения о значимости абсурда сновиденческих последовательностей, изначально получив шокный импульс в кодексах сюрреалистов.

Таковой сегодняшней результат – это ИНСАЙТ сюрреализма в архитектуре как в одном из видов абстрактной скульптуры, с одним лишь отличием: внутри этой скульптуры обитаем мы, т.е. неожиданное для самого человека или общества, внезапное нахождение решения или реализации какой-либо проблемы, над которой он или они долго и настойчиво думали.

Таким образом, основные творческие методы сюрреализма – это хаотичный произвол стилевых нагромождений, шокирующая безвкусица и гипертрофия бесвязных формобразований, а именно все то, что в состоянии вывести из равновесия и привести к проявлению невротических экспансий. Все это обозначилось в некоторых архитектурных сооружениях города.

Импринтинг, означающий вид промежуточного опыта перехода знания в умение, к сожалению, не избавляет от стилевых интерференций и вполне наглядно иллюстрирует социальную энтропию, которую в данном контексте следует воспринимать как эмоционально-духовное энергосодержание системы, достигшей апофеоза взаимодействия административно-командного давления с деятельностью энтропией общества. Однако же высокотемпературные эмоционально-духовные ценности, стремящиеся, как и положено, ввысь, при попадании в охлажденные слои расчетливо-безнадежного эгоизма способны реализовать социально-созидательную точку росы в виде всего вышеизложенного (расчетливо минимизированного, но ужасающе глобального).

Этно-архитектурная ситуация

Аналогом для данного осмысления архитектурно-проектной ситуации в г.Иркутске послужила статья Г. Резвина «Кто есть кто в московской архитектуре» («Проект России» №11, 2003г.). Не ставя цели

сработать в подражание или наперегонки со столицей, автор данной статьи рискнул обозначить всех своих собратьев по цеху, с которыми творчески сотрудничал, и тех, с которыми удавалось общаться только в «курилке», но при этом сохраняя внимание к творчеству коллеги в текущем кругозоре; попытался не навешивать ярлыки, а обозначить творческую направленность уважаемого мной лица. К примеру, назвав сюрреалистичность (шокирующая гипертрофия стилевых канонов) его творческой направленностью, автор имел в виду то, что данная характеристика творческого лица коллеги является моим личным акцентом моего мнимого или реального творческого содружества с ним. Это означает, что мне его устремленность в данном направлении тоже по плечу и я в состоянии с ним сотрудничать. При этом автор не претендовал на энциклопедическую стерильность или достоверность излагаемых стилей и направлений в творчестве своих коллег. Скорее, зафиксировав таким образом творческую направленность, была попытка оставить необходимое пространство для последующего осмысления его деятельности, как, впрочем, и своей, так как стилевая экспансия архитектора никогда не бывает ортодоксально обозначенной и происходит на протяжении всего его творческого пути. Найдя таким образом позитивный подход к данному осмыслению, считаю, что подобная моя деятельность является творческой, а значит перспективной.

Разумеется, такой подход несет в себе потенциал амбициозного тщеславия: дескать, зная, что Диего Веласкес является гениальным мастером портретной живописи и называя его таковым, ты, что же, можешь сесть рядом с ним и порисовать!? Да! И еще раз – да! В глубинах собственного творческого интима я именно так и делаю.

Очень многие мистики утверждают, что истинное творчество происходит в духе, а именно там происходит истинная встреча с мастером, национальность и русскость значительна при этом не имеет никакого значения. Однако при этом тактичность, корректность и любовь к таланту для меня всегда были основополагающими во всех

взаимоотношениях, мнимых или реальных, каковы только удавались, милостивые государи и государины.

Ориентировочные разъяснения, что подразумевалось под данным направлением, мною даны в глоссарии, в котором, оговорки ради, следует отметить, что все перечисленные архитектурные стили и направления мною изложены только в рамках данной публикации и, между прочим, для меня лично являются предметом последующего осмысления и деятельного внимания.

Глоссарий

Пассионарий («пассио» – страсть, аффективный инсайт) – личность, способная и стремящаяся к изменению окружения, как правило, неспособная рассчитать последствия своих поступков, так как импульс деятельности исходит от подсознательной стихии и заразителен для окружающих. Личностные модусы или атрибуты: тщеславие, властолюбие, жадность, эгоизм. Альтруизм проявляется только для достижения поставленной цели, чаще всего инстинктивно обозначенной, но, безусловно, зажигательно-заразительной для окружающих и способной объединить и сплотить людей в единое целое.

Субпассионарий – личность гармоничная, уравновешенная, интеллектуально развитая, работоспособная, уживчивая, но не сверхактивная, как пассионарий. Тесный контакт с пассионарием объединяет субпассионариев в пассионарную консорцию, тем самым формируя этническую доминанту и становление этноса, но утрата пассионария в таком сообществе губительна для этноса, так как после его исчезновения субпассионарии обретают свой природный этно-психологический облик – пассивную уживчивость.

Метаболизм (К.Танге, А.Исодзаки) – направление в архитектуре, которое провозглашает, что архитектура никогда не бывает законченной, она постоянно экспансирует самое себя в том стилизующем направлении, в котором однажды появилась, и является всего лишь самодостаточно завершенным элементом целого, находящегося в

Шаржи автора

постоянном саморазвитии и росте. Зритель в такой среде ощущает нехватку в ней чего-то, а свое собственное творческое воображение, что здесь что-то еще должно быть или в скором времени должно появиться. Есть все основания считать это направление эт-

нопотенциальным, если, конечно, его представители несут в себе пассивистическое мироощущение в своей деятельности.

Органичная архитектура – артикулированное перетекание пространства интерьера города или сценографии ландшафта в

пространство сценографии интерьера здания, которые тем самым вступают в активное взаимодействие, превращая привычную планировочную ситуацию в социокультурную актуальность.

Этнос – устойчивый, естественно сложившийся коллектив людей, противопоставляющий себя всем прочим аналогичным коллективам и отличающийся своеобразным стереотипом поведения, который закономерно изменяется в историческом времени. Имеет свою обязательную этническую доминанту (парадигму – набор ценностей, являющихся доминирующими в формировании этноса), при смене которой или крушении становится беззащитным, как «змея, только что сбросившая свою кожу». Формируется на основе комплиментарности, т.е. инстинктивная предрасположенность друг к другу с обязательным наличием в коллективе одного или нескольких пассионариев, которые занимают сверхактивную роль. Идя к цели, не пытаются ее точно сформулировать; для них как бы не существует конечной цели, а важен сам процесс достижения. Являясь центром притяжения, они сплачивают вокруг себя субпассионариев, которые в тесном сотрудничестве сами становятся пассионариями. При этом проявляет себя этнообразующая пассионарная энергия, которая всегда результат групповой, а не индивидуальный.

Архитектурный этнос – имеет все признаки и характеристики этноса с одним лишь отличием в том, что этническая доминанта этого коллектива состоит целиком из комплиментарно сформированной архитектурной парадигмы. Без такой доминанты данный этнос не состоится, и на всем протяжении его роста, формирования стабильности подстерегают следующие смертельные опасности: смена парадигмы, гибель пассионариев и их генов. Имея на протяжении всего исторического периода проживания эту фатальность, вся жизнь этноса представляет процесс утраты пассионарности.

Урбанизм – формирование городской среды, базирующееся на том, что на константной территории жизнедеятельные и созидательные функции стремятся к беспредельной концентрации.

Когда эти функции в результате роста представляют собой критическую массу, происходит либо их аннигиляция, либо увеличение территории их жизнедеятельности. Как правило, импульс расширения по цепной реакции исходит из центра системы.

Пассионарный урбанизм – альтруистично устремленное формирование городской среды, сплачивающее вокруг себя устойчивый коллектив единомышленников, работающих бок о бок на грани аффективных инсайтов. Личность в таком единении проявляет себя полностью, без остатка, стремясь к изменению окружения, и, как правило, не получает удовлетворения от состоявшихся результатов. Значение имеет продолжение стремления к идеалу, который никогда не получит завершения. Отличительная черта – сверхактивность коллектива как единого целого.

Субпассионарный урбанизм – гармоничное, уравновешенное формирование городской среды, но не сверхактивное, поэтому только тесный контакт с пассионарием, как правило, приводит к реализациям.

Пассионарно-административный урбанизм – альтруистично устремленное формирование городской среды, сплачивающее вокруг себя устойчивый коллектив, но сверхактивность проявляет себя на административной деятельности, которая имеет коренное отличие от пассионарности вообще. В административной деятельности невозможно не считаться с последствиями. Чаще сопоставляя их вариантность, выбираются наиболее позитивно-созидательные, которые оправдывают любой риск. Подсознательный импульс проявляет себя только в результате обоснованного риска либо в состоянии аффекта собственной правоты.

Сергей Алексеев